

Эвелина ШАЦ

Письмо из Одессы

Одесса, 10 июня.

Дорогой Клаудио!

Я слетала в Одессу по семейным причинам, а также в силу обязательств, накладываемых воспоминаниями и ностальгией. Впечатление странное. Это похоже больше на осень, чем на весну. Осень в Одессе — одно из самых светлых времен года. И не только в степи, на дачах, на Фонтанке¹ с ее оголяющимися садами, но и в городе, на набережной, на бульварах. Я хотела бы прочесть тебе посвященные осени страницы моего дневника, который вела пятнадцатилетней девочкой. Мне не давал покоя все тот же Пушкин — своей не просто гениальной, но нечеловеческой болдинской осенью. Здесь, в Одессе, он писал: "Небеса тут долго хранят ясность. Воздух осени столь тонок, что почти опасен". Опасным он казался и мне — девочке, поскольку, вдыхая его, ты уже не мог избавиться от желания навсегда остановить осень, заковать ее в филигрань решетки, чтобы бесконечно слушать плеск моря, плавное звучание одесской речи, чувственный смех толстых женщин с натянутой, блестящей на солнце кожей.

А их роскошная грудь? Возникало ощущение, что находишься в недрах ботанического сада. Эти невероятных размеров выпуклости цвели и щебетали, скрипели, как старые кареты, и гудели, как послевоенные "Победы"². Быть может, поэтому Одессу всегда считали садком невест. Невозможно найти более интересной груди. Вся эта роскошь рвется из тесных, сильно пахнущих чистотой и крахмалом разноцветных платяев: голубых, розовых, темных, в тонкую синюю полосочку. Тут не увидишь маленькой — не хватить — груди садовой статуи. Одесская грудь — пышная и крепкая; но из-за того, что так туго спелена, она никогда не опадает. И у нее бывают скверные дни, когда ее пытаются ослабить морская соль, жара, жгучие ночи любви, избыток молока или воспаление, вызванное женским одиночеством, когда женщинам приходится дожидаться мужчин, бороздящих моря и океаны всего света по девять месяцев в году.

Когда я была маленькой, мне хотелось взять и открыть грудь такой женщины, толстую и блестящую, как мидия³. Я воображала жирную перламутровую мякоть, в которой прячется множество маленьких жемчужинок, наподобие зерен в початках кукурузы, которые те же одесские мадонны продавали по всем одесским пляжам, вышагивая по ним босыми ногами, с огромными помятыми алюминиевыми ведрами, покрытыми белыми или серыми (от слишком частых и грубых — в ручную — стирок) тряпками. Ряды таких жемчужин мелькали и в свежей, как у существа, только что выбравшегося из ада, улыбке, когда женщины протягивали тебе дымящийся, обильно посыпанный солью початок, обжигавший руку.

Вот тогда я стыдилась, что у меня грудь, как доска, хотя только что безмерно гордилась этим, ощущая себя на солнце Святым Себастьяном, и яростно вонзала зубы в початок, вместо того чтобы, подобно мальчику из древней Теры⁴, прыгнуть в воду и отдаться волнам, расцветшим этими белыми и розовыми кувшинками.

А в Москве Тамара Хачатурян, жена Арама, появлялась с мороза, тоже выставив вперед огромные, как платформы небольшого зимнего вокзала, груди. Ну как их можно было согреть? Она дирижировала сочинениями мужа. Была непреклонной по характеру. И на музыку наступала, словно то высокий, то низкий прилив. Не знаю, была ли она единственной женщиной-дирижером в то время.

После стольких лет, отдаляющих меня от детства, воздух Одессы все еще светел. Он наполняет улицы запахом роз. И когда это происходит, напоминает мне осень. Потому что солнце спускается все ниже к горизонту, свет его медленно теряет силу, даже ранним утром окрашивается в красные цвета заката.

Я спрашиваю себя, почему я говорю о закате. Закат воспоминаний, любви, надежд? Я так далеко от тебя, и сюда уже не дойдут ни письмо, полное неожиданной нежности, ни твоя жалоба, ни маленькая забавная история, которую тебе удастся придумать, чтобы вызвать мою улыбку или ревность. Расстояния, границы...

1. Так мы называли в Одессе купальные павильоны.

2. Модель русской машины сороковых годов, напоминающая "Маджорино" фирмы "Фольксваген".

3. Название рыбы в Одессе.

4. Настенное изображение второй половины II тысячелетия до н. э. из Сантории (Теры).

Там, где покоятся сдавшиеся времени камни турецкой крепости, всегда волновали меня ароматами пряностей, акаций и гигантских каштанов, дышит набережная Приморского бульвара, одетая сегодня в белый наряд полного цветения, пронзенная посередине Потемкинской лестницей⁵. И если ты не помнишь, где находится важнейший порт России, то, несомненно, знаешь все об этой исторической лестнице, по которой мне хотелось бы сойти, как Ванда Осирис⁶, навстречу тебе, моему единственному жениху, прибывшему из Неаполя или из Палермо на белом фрегате. Антонио Спадавекья (не твой родственник) — предок бывшего мужа моей мамы (русской дворянки с чертами, словно взятыми с акварели Серова; она изумительно играла на пианино, пока пианино это мой отец не продал много лет назад, обещав вернуть, но так и не сделав это, да и она уже умерла, а я по-прежнему мучаюсь чувством вины за отца), известного советского композитора, был неаполитанским рыбаком. На парусной лодке он бежал со своей возлюбленной, шестнадцатилетней мадонной высокого рода, и добрался до Коктебеля в Крыму. Там родился отец Антонио — капитан дальнего плавания. Оставшись вдовцом с маленьким Антонио на руках, он женился на своей домохозяйке и переехал в Москву, возле Абрамцево, где в роскошном московском лесу чудаковая диковатая махеча разводила коз.

Пока мой отец разводился с моей матерью, чтобы жениться на прелестной дворянке, жене композитора, эта старая ведьма приютила меня на бревенчатой засыпанной снегом даче, и там я пила козье молоко, вязкое и сладкое, как женское, только очень жирное. Она никому не мешала. Жила в своем измерении, по ту сторону экрана. Мне было с ней хорошо. Дом этот, в конце концов, перешел к моему отцу, который сначала завещал его мне, но потом продал. У него были своеобразные представления о собственности.

Композитор построил другой маленький домик, рядом, разделив земельный участок с женой из-за старой ведьмы (а она действительно была ведьмой) и ее коз. Старуха только с ними и разговаривала. И, возможно, имела на то основания. Он написал много музыки к фильмам и несколько опер. И был настоящим итальянцем: маленького роста, темноволосый, очень живой. А на маленькой аллее, где вела к домику с роялем, постоянно мелькала фигура какой-нибудь обворожительной молодой женщины. Шли годы, но женщины всегда оставались молодыми, хотя и менялись.

Я начала было рисовать себе географию лестницы. Ее венчает первый памятник города, посвященный правителю края — герцогу Ришелье⁷. В пору экзаменов на аттестат зрелости сюда приходил весь "созревающий, аттестирующийся" город — спросить Дюка о темах изложений. Порой это удавалось. В Одессе удаются самые невероятные вещи. Припев одной старой песенки говорит, что в Одессе даже слоны умеют летать.

В начале девятнадцатого века камни для одесской мостовой и плиты для тротуаров привозили из Италии. Итальянские и петербургские зодчие много потрудились, чтобы этот город, город степей, грязи и моря, приобрел элегантный и цивилизованный вид. Теперь он несколько полаял, пооблетела штукатурка, погубели цвета. Но пролеты лестницы, ведущей из моря к небу, все так же величественны. Я вижу, как по ним изыщно и осторожно спускаются нежные, мягкие фигуры. На них крошечные драгоценные туфельки в шанхайском стиле, отделанные по краю черной тафтой. Тесно стиснутые обувью, маленькие ножки делают шаг женщины странным и неверным. Быть может, сама Потемкинская лестница была построена специально для того, чтобы проверить покорную поступь этих "золотых лотосов"⁸, длиной каких-

5. Знаменитая лестница, построенная по рисунку архитектора Боффо (1837 — 1841 гг.). Насчитывает 192 ступеньки, 10 пролетов, построена в форме каскада.

6. Субретка, была весьма популярна в Италии с тридцатых по пятидесятые годы. Ее коронным номером были спуски с лестниц, навеянные парнасскими ревью и голливудскими музыкальными фильмами.

7. Памятник этому парю Франции — творение скульптора Мартоса (1828 г.).

8. Как станет ясно из нижесказанного, речь идет о поэтическом наименовании ног, изуродованных тесным пеленанием — обычай, соблюдавшийся для девочек из богатых семейств в императорском Китае.

нибудь 6 сантиметров, чтобы измерить величину магической власти, которую эти маленькие, игрушечные, в форме изогнутого крючка ножки имеют над душой. Под драгоценными платьями кольхались бедра. Как, наверно, было тяжело маленьким ножкам выдерживать тяжесть кольхалющихся бедер. Ужимать ножки, чтобы увеличить бедра, — это, должно быть, выдумка гения. А может, то была женщина? Костюм "цветка лотоса", неизменный в тысячелетиях, — восьмое чудо света.

Сколько отчаянных мужчин сдували с них пыль, вдыхали их аромат, пробовали их на вкус, лизали, мыли, — безумные затеи любовников, не замечавших кислого запаха подошвы, уставшей и страждущей, напротив, находивших его "самым волнующим запахом в мире, побеждающим кислый запах плоти" (Ts'ai fei lu). Ценитель лотосов, хорошо знавший, что душа, не ведающая, где брезжит восход, блуждает в поисках потустороннего величия, советовал хранить их, как нефритовые амулеты. Они же, вместо того, чтобы лежать в своих футлярах, ходили по одесской лестнице. Нефрит и Золотая жемчужина. Луна и Бессмертный феникс. Сокровища Жада и Мартина рыбака. Боже ты мой! В "Турандот" центральный образ сцены загадок — лестница, ведущая наверх. Театральный художник — это человек, внимательно читающий либретто. И вот, вместо того чтобы слушать музыку, я унеслась вслед быстрым мыслям, мелькавшим в младенческом уме того ребенка, который, быть может, в самом деле лежал в обезумевшей детской коляске Эйзенштейна, и, быть может, тем ребенком была я.

В шесть лет меня впервые привезли в Оперу. Давали "Коппелию" Делиба или "Раймонду" Глазунова, теперь я уже не помню. В любом случае это был балет. Некий друг семьи — один из скрипачей оркестра — дал мне приют в его мистическом зале. Воскарабкавшись на высокий круглый табурет, я видела, как все эти тапочки летали над моей головой. Воистину китайское зрелище.

Театр сгорел где-то в 1873 г., но уже десять лет спустя, в конце века, было построено новое праздничное и по-барочному пышное здание. На открытии Фельнер, вместе с коллегой Гельмером строивший театр, выкрикнул во всеулышание историческую, но, несомненно, жгучую фразу: "Этот театр — самый прекрасный в мире". Однако театр действительно впечатляет.

Маленький зал в неоклассическом стиле: сдержанно-белый и бледно-желтый, он хранит, быть может, самые дорогие воспоминания города. Здесь пело море, пели женщины, Одесса, Россия Пушкина. Отсюда вдоль кованых чугунных оград он шел пешком — как гость вечности — в Оперу. За оградой — громадное количество плененных львов: возле парадных окон, балконов, порталов. Львы, увенчанные коронами и крыльями, простые чугунные львы, гипсовые и мраморные, всего 230 львов, и все хранят оригинальное выражение изумления. Быть может, правда, что Елизавета Ксавьеревна Воронцова, утонченная жена князя-губернатора, родила втайне негритенка. Занимательные слухи. Это она-то, Воронцова, вот был скандал на весь город. Но для него, Пушкина, это был "Ангел", "Талисман", "Желанье славы"⁹. Когда-нибудь и ей поставят памятник, как выдохшейся феминистке Керн, развезавшей по всему Петербургу с женой Дельвига. Даже великодушный Пушкин не мог утешить бедного друга-поэта, влюбленного в жену. Но к могиле Керн¹⁰ благодаря нескольким бессмертным пушкинским строкам стекаются толпы со всей страны.

А каким мог бы быть мой и твой ребенок? В любом случае я бы хотела назвать его Тимуром Вторым¹¹. Он жил бы в садах Семирамиды¹². Женился бы на Турандот и не оказался бы низложенным татарским правителем. У него были бы глаза древних таджиков, как у сыновей Александра и принцессы Роксаны. Как у детей Антияна¹³. Черные брови, сошедшиеся, как крылья степной птицы — гордого королевского орла. Светлая кожа и светлые волнистые волосы вроде твоих. А со време-

9. "Ангел", "Талисман", "Желанье славы" — более или менее точные названия произведений великого русского поэта.

10. Не путать с женой Джерома Керна — известного композитора (США).

11. Тимур II (Тимур Ленг-Хромой), он же Тамерлан Великий (1336 — 1404 гг.).

12. Легенда поместила их в Вавилон или даже в Ниневию.

13. Относится не к принцу Прочи, но к спутнику Адриана, которого обессмертила Юрсенар.

нем, возможно, у него вырастет рыжая борода. И он вечерами станет жечь серую смолу.

Есть нечто фамиллярное в том, как относятся к истории этой принцессы здесь, в Одессе. Это напоминает мне синий цвет Китая Буркьялло в Россиньоле¹⁴. А потом — помнишь? — я уже говорила раньше, что третий акт "Турандот" Дзефирелли напоминает мне Петербург. Вот доказательство.

В тот вечер в Ла Скала я во время первого акта спустилась в "камбуз"¹⁵ выпить розового пино "Маскьо". Стоит оно здесь недорого, и к тому же это маленький театр в театре. Все равно что сойти в недра волшебной горы. Этот маленький бар — целый костюмированный мир. Даже рабочие в синих комбинезонах, с молотками, запроверенными за пояс вроде томагавков, выглядят ряжеными среди расшитых костюмов, напоминающих того же Буркьялло или Боровского в "Хованщине". А Дзефирелли неповторим, когда придумывает эти узорные платья, блестящие, словно обертки "Мотты"¹⁶, когда мощная статичная музыка финала превращается в музыкальный аккомпанемент в духе "Фоли Бержер".

В какой-то миг я увидела тебя в окружении фигур, похожих на кардиналов, облаченных в красивые туники. Они тоже казались частью спектакля, словно особое посольство при дворе восточного деспота, правителем которого был ты — бледный средиземноморский странник¹⁷.

У меня не было возможности с тобой поздороваться. Лицо у тебя было бледное от возбуждения, синие глаза — как пара веселых васильков. Я собирала эти цветы во время каникул в Болгарии и рассказывала Вели¹⁸ об огромных лесах у подножия Уральских гор, где немудрено заблудиться. Когда лодки сворачивали на реку Белую, по вечерам там слышались звуки песни, грустной, короткой, нежной: "Ах, васильки, васильки, много мелькало вас в поле"... Тогда я думала, что это народные стихи, баллада. Я еще храню в памяти ее мотив. Впоследствии я обнаружила, что слова написаны поэтом Мережковским в начале нашего века. Странная судьба у забытых русских поэтов: они остаются в песнях. Как Аполлон Григорьев в "Двух гитарах".

Я вышла из театра¹⁹ — все равно мне не удавалось сосредоточиться — и побежала в "Гамбринус". Мне необходимо было выпить. Нет, ничего страшного со мной не случилось. Мои безумства растворялись в цепочке отнюдь не пустяковых самоубийств. Но я никогда не стану алкоголичкой. Я пью только с радости. Для того чтобы обрести уверенность. Избавиться от тоски. Никогда с отчаянья. В отчаянии я перестаю соображать. Ложусь в постель с первым встречным. Яростно терзаю и изнуряю себя оргазмом.

Так вот, я иду в "Гамбринус". Здесь всегда густая толпа. С незапамятных времен. Тут пили моряки, рыбаки, контрабандисты, рабочие, грузчики, бродяги. Пропустить стаканчик сюда заходили Куприн²⁰, Паустовский, журналист Ловенгард — старик, писавший исключительно портовую хронику. Он говорил на многих языках. Даже на современном греческом. Снимал старую шляпу, когда обращался к морякам. Они называли его Летописцем, Хроникером. Сегодня толпа густа, как и всегда. Не хватает только Сашки-музыканта, зато присутствуют все те, кто захаживал в этот кабачок в иные времена.

Смешавшись с ними, я проникаю в мрачный, освещенный, полный сюрпризов, как волшебная шкатулка, зал. Сейчас я хочу пить и болтать с мужчинами. Не знаю, дойдет ли когда-нибудь до тебя это письмо. Лучше его не посылать. Быть может, когда-нибудь я вручу его тебе лично.

Нежно обнимаю и нежно вспоминаю тебя. Ксения.

Милан.

14. Относится к постановке оперы Стравинского известным итальянским режиссером.

15. Так называется место для отдыха сотрудников Ла Скала в подвалах театра.

16. Известная марка итальянских кондитерских изделий.

17. Смысл неясен. Прелаты не посещают спектаклей Ла Скалы, тем более — когда там дают оперу. И уж совершенно исключено, чтобы они могли отправиться туда в церковном облачении. Возможно, что на премьеру "Турандот" Дзефирелли (дирижер Мазель), на которой познакомились Ксения и Клаудио, были какие-то духовные лица, но, разумеется, они были там инкогнито.

18. Подруга, в доме которой найдена эта переписка.

19. Речь идет об одесской Опере, а не о Ла Скала.

20. Писатель, которого называют русским Мопассаном (1870 — 1938).